

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1385 ГОД

Примавера заливалась звонким колокольчиком, когда Роман, ее младший братишка, смешно подпрыгивая, пытался дотянуться до игрушечной лошадки, которую девочка нарочно поднимала высоко над головой. Примавере шел пятый год, а Роману не было еще и трех, и сестренке нравилось показывать ему свое старшинство. Впрочем, не только с младшим братом, но и с детьми, которые были старше ее, она во всех играх привыкла командовать. Да и у взрослых Примавера умела добиться своего любыми способами, а если что было не по ней, начинала громко кричать, топтать ногами и пару раз даже пыталась убежать из дому.

Эта девочка родилась на удивление крепкой, здоровой и резвой, несмотря на те страшные потрясения, которые пришлось пережить ее матери во время беременности.

Наблюдая за игрой своих детей, Марина с материнской гордостью думала о том, что редко кому судьба дарит таких красивых и смысленных детей, как Примавера и Роман.

А недавно молодая женщина почувствовала, что ждет третьего ребенка. Она хорошо запомнила тот яркий солнечный день, когда, убедившись в своей беременности, сказала об этом мужу. Обрадованный Донато тут же подхватил жену на руки и с возгласами ликования побежал вдоль морского берега, а Марина хохотала совсем как девчонка, а не знатная дама, мать двоих детей и хозяйка поместья Подере ди Романо. Потом, придя

в себя после бурного порыва радости, супруги обратили внимание, что находятся вблизи тех мест, где, как следовало из прочитанной Донато древней рукописи, много столетий назад потерпел крушение римский корабль и спаслись только двое — епископ Климент и его овдовевшая в тот же день дочь Аврелия¹, а вместе с ними было спасено христианское сокровище, которое они спрятали в таврийских горах. В Таврике Аврелия родила сына Маритимуса, и он стал, согласно семейной легенде, основателем римского рода Латино, к которому принадлежал и Донато. Пещера, где было спрятано сокровище, оказалась настоящим местом силы и, словно рука провидения, соединила судьбы столь разных людей, как римлянин Донато и славянка Марина, рожденная в Киеве, но с детства живущая в Кафе².

Морская бухта, близ которой в глубокой древности начиналась история, словно предопределившая встречу Марины и Донато, навеяла супругам мысль назвать своего третьего ребенка, если это будет мальчик, Климентом, если девочка — Аврелией.

— Аврелия... — прошептала Марина, положив руку на живот. Почему-то она была уверена, что родится девочка.

Молодая женщина сидела на скамейке под деревом в саду имения Подере ди Романо, располагавшегося к востоку от Сурожа³, в живописной долине среди лесистых гор и причудливых скал. Это имение Донато купил, когда нашел древнее сокровище, тайну которого доверил только Марине.

Дети резвились на садовой лужайке, окруженной деревьями, и солнечные блики, пробиваясь сквозь зеленую и местами пожелтевшую листву, скользили по их маленьким фигуркам и размякшим личикам. Сентябрь был теплым, как тогда, шесть лет назад, когда Марина впервые увидела Донато в аптечной лавке Эрмирио...

¹ См. роман «Королева Таврики».

² Кафа — ныне Феодосия.

³ Сурож (Сугдея — у греков, Солдайя — у итальянцев) — ныне Судак.

Ясный солнечный день и нежный детский смех располагали молодую женщину к умиротворенному созерцанию, и лишь одно темное пятнышко подспудно всплывало в ее памяти, омрачая тихую радость. Она не сразу поняла причину этой небольшой, но досадной тревоги, а когда разобралась, то сказала сама себе: какие пустяки, не стоит даже думать о подобном!

И все же неприятное чувство осталось у нее после вчерашнего появления в доме странствующего монаха с угрюмым лицом и колючим взглядом.

Пользуясь невольным уважением слуг к духовному сану, он беспрепятственно вошел на порог и попросил растерявшуюся служанку Агафью показать комнату хозяев, потому что он-де желает их благословить. Славянка Агафья, хоть и была первой помощницей Марины, да к тому же довольно бойкой женщиной, внезапно смутилась и отступила перед странным пришельцем. Неизвестно, куда бы он направился дальше, если бы Марина в этот момент не вышла из своей комнаты, оказавшись с ним лицом к лицу. Он был одет в рясу монаха-доминиканца, и она, поприветствовав его, спросила на латинском наречии:

— Что вам нужно, падре?

— Я странствующий паломник и получил наказ благословлять все гостеприимные дома, какие встретятся мне на пути. Сейчас я хочу прочесть молитву за этот дом и его хозяев.

Монах говорил с благостной улыбкой, но его глаза при этом оставались колючими и смотрели так, что у Марины сразу появилось желание поскорее избавиться от незваного гостя. Вначале она хотела сказать ему, что исповедует христианство греческого обряда и не нуждается в благословении монаха-католика, но потом передумала. Донато не нравилось, когда кто-то подчеркивал, что у них с женой разная вера. В Кафе нередко были браки между латинянами и православными, но обычно жены после венчания принимали веру мужей. Однако в семье Донато и Марины этого не произошло, каждый остался при своей вере. Только Марине пришлось смириться с тем, что их с Донато дети будут католиками. Так полагалось по

законам генуэзской республики, во владения которой входила Кафа.

Марина промолчала, а монах принялся шептать молитвы и креститься, при этом глаза его беспрестанно бегали по сторонам. Молодая женщина обратила внимание, что лицо у монаха жесткое и обветренное, словно он и вправду провел долгое время в дороге. Едва дождавшись, когда он закончит молитву, она велела Агафье выдать страннику десять аспров¹ и накормить. Монах взял деньги и тут же спросил:

— А где хозяин этого дома? Я хотел бы благословить и его.

— Моего мужа сейчас нет в имении, он уехал в Кафу по делам службы, — сухо ответила Марина. — Угодно ли вам пройти в столовую и поесть?

— Нет, дочь моя, я пока не голоден. Но пусть служанка даст мне в дорогу хлеба и сыра.

Марина со вздохом облегчения рассталась с неприятным ей гостем, а он напоследок пробуравил ее цепким взглядом своих маленьких, но выразительных глаз.

Лишь после его ухода она подумала о том, что даже не спросила имени пришельца. Впрочем, это ее совершенно не интересовало. А еще ей вдруг вспомнилось, что Донато рассказывал о булле папы Урбана VI, в которой предписывалось «Магистру ордена доминиканцев назначить специального инквизитора для Руси и Валахии, дабы “искоренять заблуждения”». Марине пришло в голову, что, возможно, этот пришлый монах-доминиканец — один из тех, кого прислали в дальние земли, чтобы переманивать православных в латинскую веру. Она также вспомнила, что отец Панкратий и отец Меркурий, кафинские священники греческого обряда, говорили, что латинянам удалось склонить на свою сторону литовского князя Ягайло и он принял католичество, объединив Литву с Польшей². Ради этого юную польскую королеву Ядвигу заставили стать невестой

¹ Аспр — серебряная монета Кафы.

² Польско-Литовская (Кревская) Уния была заключена в 1385 году.

Ягайло, хотя всем было известно, что она любит своего прежнего жениха — молодого красавца Вильгельма Австрийского.

Марину не слишком занимали тонкости религиозных интересов, и она вскоре перестала думать о странствующем монахе, но неприятный осадок на душе все-таки остался.

Отгнав это темное облачко, она снова улыбнулась и шуточно погрозила пальцем Примавере, продолжавшей дразнить братишку, который уже насупился, готовясь удариться в плач.

И в этот момент Марина вдруг обнаружила, что не она одна наблюдает за игрой малышей: возле садовой ограды стояла женщина и пристально смотрела на Примаверу и Романа. Темный плащ с накинутым на голову капюшоном и посох в руке делал ее похожей на паломницу, и Марина с невольной досадой подумала: «Что за нашествие в наш дом? Вчера — монах, сегодня — эта странница». Но тут женщина откинула капюшон на плечи, и Марина, взглядевшись в ее лицо, воскликнула:

— Зоя!.. Неужели это ты?

Да, это была ее давняя кафинская подруга Зоя, дочь грека-судовладельца и сурожской славянки. Последний раз Марина видела Зою более четырех лет тому назад в Суроже, когда возвращалась с Донато из Мангупа в Кафу. Зоя же тогда не увидела свою подругу, потому что пребывала в подавленном состоянии и не замечала никого вокруг, а Марине в тот момент нельзя было обнаруживать себя, поскольку они с Донато хранили в тайне свою поездку. Впоследствии, вернувшись в Кафу, Марина узнала, чем была вызвана столь глубокая печаль обычно веселой девушки. Оказывается, Зоя давно любила кафинского красавца Константина и даже, презрев строгости воспитания, отдалась ему, но он все равно женился не на ней, а на Евлалии, дочери генерального синдика¹ и богатой наследнице. Тогда Зоя решила отомстить ему и в день его венчания явилась к церкви в черном платье и бросила под ноги новобрачным черные бумажные цветы. Она омрачила им свадьбу,

¹ Синдик — чиновник по судебным делам.